05 1991

0 1 3

ТУ–19–241–82

8

3

студия
ДИАФИЛЬМ

07—2—018

„О скорбной и высокой жизни"
М. Булгаков. Вступление

Диафильм для XI класса школ
с углубленным изучением литературы

«...Писал он только о том, что ему было близко и понятно, что им было доподлинно пережито.

Он не мог писать, чему он сам не верил и не полюбил творческой любовью автора».

П. С. Попов.

Биография М. А. Булгакова

Пятое октября 1926 года отмечено событием в жизни театральной Москвы. После генеральных репетиций с публикой и без, волнений, споров, до конца не преодоленной неизвестности в Московском Художественном театре состоялась премьера спектакля «Дни Турбиных».

5-е Октября, Вторник
6-е Октября, Среда
7-е Октября, Четверг

Михаил БУЛГАКОВ:

ДНИ ТУРБИНЫХ

В. В. СОКОЛОВА, А. А. АНДЕРС, С. К. БЛИННИКОВ, В. А. ВЕРБИЦКИЙ, Б. Г. ДОБРОНРАВОВ, В. Л. ЕРШОВ, В. П. ИСТРИН, Е. В. КАЛУЖСКИЙ, М. Н. КЕДРОВ, И. М. КУДРЯВЦЕВ, Б. С. МАЛОЛЕТКОВ, В. К. НОВИКОВ, М. И. ПРУДКИН, В. Я. СТАНИЦЫН, Н. Ф. ТИТУШИН, Н. П. ХМЕЛЕВ, Р. Ф. ШИЛЛИНГ, М. М. ЯНШИН и друг.

Режиссер И. Я. СУДАКОВ.
Художник Н. П. УЛЬЯНОВ.

Начало в 8 часов.

Имя автора пьесы — Михаил Булгаков — мало что говорило московской публике. «Дни Турбиных» с так счастливо и точно найденным заглавием — в нем совместились Время и Судьбы — были авторской инсценировкой его первого, недавно завершенного романа «Белая гвардия».

М. Булгаков. 1926.

«Дни Турбиных».
Сцена из спектакля.

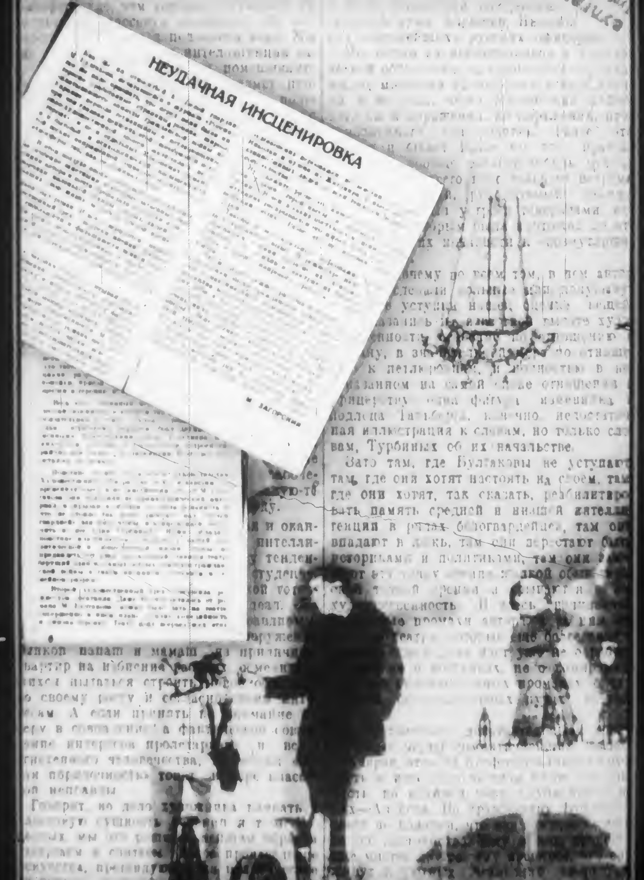
В «запретной» теме слышались нотки вызова. Широта и свобода, которые ощущались в трактовке проблемы «интеллигенция и революция», многомерность характеров и пространства, стихийное, «от Бога», знание законов сцены, чувство традиции, чеховской в частности, введенной в русло спектакля так иронично и нежно, — зачаровывали, трогали, потрясали.

М. Булгаков с участниками спектакля «Дни Турбиных».

А актеры! В спектакле была занята артистическая молодежь МХАТа. «Как играют! Но как играют!» — расходясь, твердила публика. «Вечером на премьере «Турбиных» все спокойно, — с облегчением запишет в дневник артист Лужский. — Успех очень большой». То был звездный час Булгакова-драматурга и — впервые со времен Чехова — триумф театра...

Но вот наступили будни. Лавиной рецензий, резких, враждебных, глумливых,— Булгаков аккуратно наклеивает их в альбом — обрушилась на автора критика:

«Мещанин!», «перемигивается с остатками белогвардейщины», «кремовые шторы», «начало конца МХАТ»...

И — сдержаннее, но непреклоннее: »Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества... Такой Булгаков не нужен советскому театру». Печально знакомый рефрен... Но на этот раз среди тех, кто думает так или почти так, — Маяковский, Таиров, Мейерхольд.

«Дни Турбиных».
Сцена из спектакля.

«Крамольная» ли по тем временам повседневность, образ Дома, семьи, отсутствие ли в пьесе уже почти обязательных «красно-белых» противостояний, течение живой, пульсирующей, теплой, противящейся уничтожению жизни — все это воспринималось как вызов воинствующей безбытности 20-х годов.

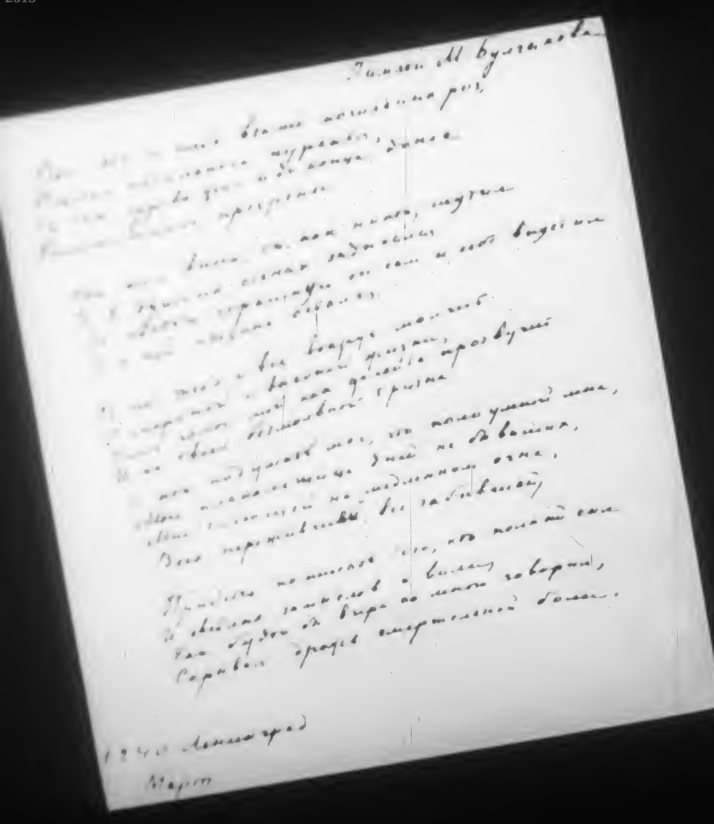

РГДБ
2015
М. Булгаков
ДЬЯВОЛИАДА
«СУД НАД БЕЛОЙ ГВАРДИЕЙ»
Над пьесой вершится суд. И, несмотря на заступничество (с оговорками) Луначарского, участь ее предрешена, а заодно—и участь всей последующей драматургии и прозы Булгакова.
10

«...Я жадно вглядываюсь в этого человека... Светловолосый, «весь в острых углах», с неправильными чертами лица и примечательными—смеющимися, строгими, — почти прозрачными глазами... Каким он был? Закрытым, не терпящим фамильярности, — и впечатлительным, и ранимым. ...Иногда и не уловишь, отчего чуть дрогнули брови, чуть сжался рот, мускул в лице напрягся...»

(из воспоминаний о М. Булгакове).

«Что поражало в нем прежде всего, — вспоминают близко его знавшие, — это острый, как лезвие, ум. Он проникал за видимые покровы мысли и слов и обнаруживал тайники души... А этот блестящий, непобедимый юмор, это сверкание обаятельной неповторимой личности...»

Автограф стихотворения А. А. Ахматовой.

„...Ты пил вино, ты, как никто, шутил
И в душных стенах задыхался...“—
склонится над ним, так рано ушедшим, Анна Ахматова.

Журналы его не печатали, театры больше не ставили, критика замалчивала или откровенно травила.

Петр Белов. Проталина. М. Булгаков.

„На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли, стриженый ли волк, он все равно не похож на пуделя...“

В этом самостоянье, одиноком, трагическом и грозном, его спасала уверенность: *Рукописи не горят.* И—как бы ни складывалась судьба, он оставался самим собой, «человек, ни в творчестве, ни в жизни не обременивший себя политической ложью».

А. А. Фадеев — Е. С. Булгаковой. 15 марта 1940.

А пока... Не ведая о грядущем — страданиях, крови, смерти, — на землю ступает XX век. И в буйном цветении Город, раскинувшийся над Днепром, «мать городов русских», Киев.

Булгаков-гимназист.

Киев. Первая гимназия.

Прекрасное, строгое, сохранившееся до наших дней здание Первой Александровской гимназии. Здесь учит латынь и ненавидит астрономию «участник всех драк и не участник любых сборищ» гимназист Михаил Булгаков.

Много лет спустя, в письме к Правительству, Булгаков признает чертой своего творчества *глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему возлюбленной и Великой Эволюции.*

Андреевский спуск, 13, неподалеку от Андреевской церкви в Киеве. Дом «под крутейшей горой» (он узнаваем в «Белой гвардии»). В 1906 году в нем поселилось большое дружное семейство профессора-историка Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова.

Семья
Булгаковых.
1906.

«Мир семьи был прочен и радостен... Здесь музицировали и пели, молодежь танцевала, звучал молодой смех. И друзья любили бывать, а родственники—гостить в этом гостеприимном, добром и веселом доме...»

«Дни Турбиных». Сцена из спектакля.

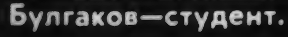
Уют и тепло домашнего очага как знак жизненной нормы останутся для Булгакова навсегда незыблемы и спасительны.
...Кремовые шторы, бронзовая лампа в «Днях Турбиных», по воспоминаниям сестры писателя,—любовно сохраненная им память о доме.

Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен... Так священна гармония мира, противостоящая хаосу. Ранняя смерть отца (от той же болезни почек, что унесет в могилу сына) была первым соприкосновением с темной, гибельной стихией.

Мать писателя,
Варвара Михайловна Булгакова, в трауре.

Булгаков—студент.

Киевский университет.

Неполных 16 лет Михаил Булгаков остался в семье за старшего. Его жизненный выбор определенен и серьезен: профессия врача, медицинский факультет Киевского университета.

Булгаков-студент в своем рабочем кабинете.

Андреевский спуск, 13. Дом Булгаковых.

Занятия естественными науками, несомненно, нашли свой отзвук в характере, судьбе, природе его писательского дара — редкой раскрепощенности, свободе от иллюзий, язвительности ума и жестком, бескомпромиссном поиске истины.

...Шла первая
мировая война.
Университет
закончен с
отличием.
Булгаков—
практикующий
врач.
После
недолгой
службы
в военном
госпитале
в Черновцах—
российская
глубинка.

Вязьма. Начало XX века.

Здесь, в сельской больнице на Смоленщине, он был хирургом и невропатологом, терапевтом и акушером. Борьба за человеческую жизнь требовала решений мгновенных и твердых... И—как поощрение начинающему врачу—городская больница в Вязьме.

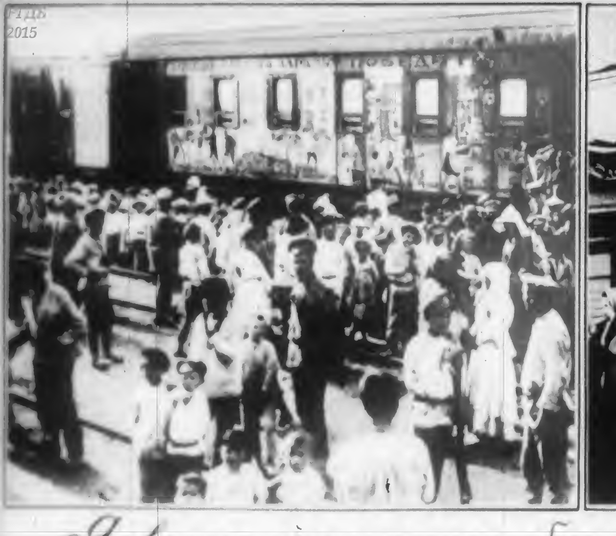

Российский простор останется навсегда в широком дыхании булгаковской прозы. Глухой, провинциальный «от века» быт, своеобычность характеров и непредсказуемость ситуаций, так остро схваченные и преображенные в «Записках юного врача», потянут взяться за перо.

А. Лентулов.
Мир. Торжество. Освобождение.

...А время
неумолимо шло
к живительному,
но и трагическому
разлому мира.
Музыку
революции
Булгаков
не услышал,
но явственно
увидел кровь.

Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Видел голодные хвосты у лавок... Видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке.

Немцы в Киеве. 1918.

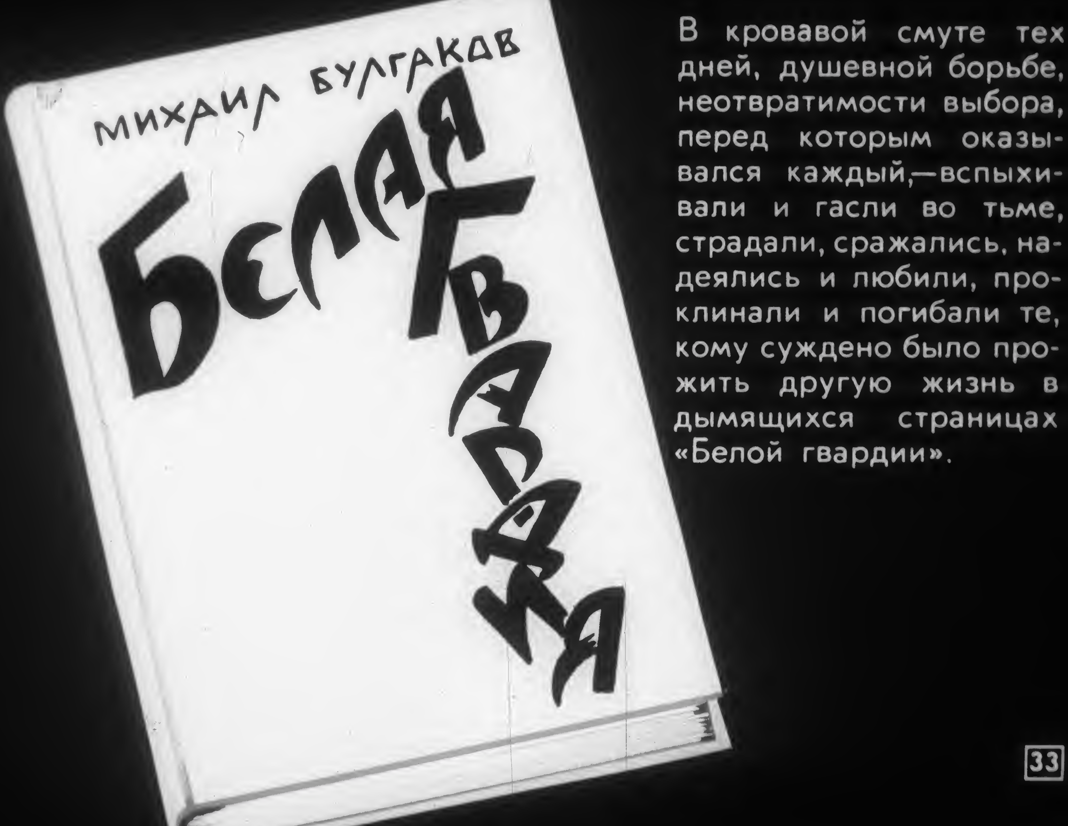
Но истинным царством хаоса предстал перед ним, отсутствовавшим два года, Киев. Немцы на улицах города. Чехарда властей — Центральная Рада, гетман, Петлюра, белая армия. Не то восемнадцать, не то четырнадцать переворотов, причем десять из них он лично пережил.

И — мародерство, грабежи, казни...

Красный дрожащий Марс стал над Киевом...

Еще не зная об уходе немцев, о предательском бегстве гетмана, в метельном декабре 1918 года Булгаков вместе с младшими братьями ушел защищать город.

В кровавой смуте тех дней, душевной борьбе, неотвратимости выбора, перед которым оказывался каждый,—вспыхивали и гасли во тьме, страдали, сражались, надеялись и любили, проклинали и погибали те, кому суждено было прожить другую жизнь в дымящихся страницах «Белой гвардии».

КОНЕЦ

Диафильм создан по программе, утвержденной Министерством образования РСФСР

Автор М. Файнберг

Редактор И. Кремень

Художник-оформитель И. Ищенко

101000, Москва, Старосадский пер., 7

Д-041-91 Черно-белый 0-43